

Таким образом, конкуренция идентичностей в Беларуси, как и во всем мире, идет под влиянием многих векторов. Она отражает политические установки властей, отношение к стране в регионе, ее местоположение в миросистеме, а также ее историю, культуру; уровень развития национального самосознания и др. Видимо, Беларусь, которая исторически отличалась культурным многообразием и толерантностью, будет проявлять эти качества и в отношении растущего многообразия идентичностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальдис, А.И. О главной болезни нации // Режим доступа: <http://www.bdg.org> – Дата доступа: 03.03.2006.
2. Jasinska-Kania, A. Zmieniajace sie identyfikacje Europejczykow: globalne, europejskie, narodowe, regionalne i lokalne // Globalizacja i co dalej. – W-wa, 2004.
3. Sadowski, A. Problemy społeczne w perspektywie socjologicznej // Społeczne problemy miejscowości północno-wschodnich w procesie transformacji. – Białystok, 2001.
4. Biaspamiatnych, M. Regional Identities in Contemporary Eastern Europe; Belarusian-Polish-Lithuanian Borderlands: Phenomenological Analysis // Limes. – Vilnius, 2008. – Vol.1. – No.2.
5. Что такое быть беларусом? – Режим доступа: <http://www.iiseps.org/press12.html> – Дата доступа 21.2.2010.
6. Титаренко, Л.Г. Перспективные модели развития национальной идентичности беларусов // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность, перспективы: Сб. науч. трудов. Вып.6. – Брест: БрГТУ, 2009.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Я.С. Яскевич

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

В современном мире продолжается уточнение сути, принципов, ценностей демократии, ее процедур и значимости, высказывается тезис об общем кризисе демократии, содержательном наполнении понятия «суверенная демократия», в том числе и в плане международного права, фиксирующего суверенность национального государства в пределах любых объединений, союзов, что чрезвычайно актуально именно сегодня. Поскольку суверенитет – это, по существу, и есть самостоятельность, самоправомочность государства и большинства его населения, то он напрямую касается демократии, а потому и нарушение суверенитета особенно болезненно сказывается в случае «импорта» и насаждения «готового демократического продукта», вопреки демократической воле народа, рождая хаос и недоверие к демократическим реформам, возникновение национализма, этнических конфликтов и даже войны.

В аналитических подходах о переоценке ценностей демократии, отмечают растущий критицизм в адрес демократии западного (европейского, американского) образца и усиливающееся недоверие населения разных стран мира, включая страны Европы, к либеральным ценностям и моделям демократического развития. Тенденции сужения базы демократии, ее «удушения» (Б. Барбер) проявляют себя в таких процессах, как недовольство широких слоев населения «опустошением» демократии,

ее ритуализацией, отсутствием контроля за социальными процессами, в том числе глобализацией, со стороны демократической общественности; слабость демократии перед лицом все более популярного, в том числе и в Европе, фундаментализма разного толка, тем более терроризма. Дается достаточно резкая оценка ошибок экономического и иного либерализма, которые широко используются для критики либеральной демократии как таковой. Там, где побеждает ортодоксия свободного рынка, умирает демократия, считает Н. Бирнбаум. Аналитики приходят к выводу, что страны, объявляющие себя или объявленные другими «эталонно-демократическими», отличаются многими плохо совместимыми с демократией и даже антидемократическими пороками управления политической жизнью народа. Наблюдающиеся же в XXI веке явления насильственной, «учреждаемой» через военное вмешательство демократии противоречат самой ее сути, что свидетельствует о «дефиците демократии», «отсутствии демократической субстанции» (Ю. Хабермас), выхолащивании демократических форм, «загрязнении» демократии.

Правящие элиты Запада «рекомендуют» некую «эталонную демократию», основанную на ценностях либеральной демократии, навязывая ее, нередко с помощью военной силы, развивающимся странам и новым государствам постсоциалистической системы [1, 3-13]. В то же время сама западная либеральная демократия переживает кризис, что отмечается и в средствах массовой информации, в том числе, во влиятельной американской газете «Вашингтон Таймс»: «Многие из нас... считают, что наш путь единственный (не самый лучший или не самый быстрый, а единственный) путь в рай. Более того, многие из нас убеждены: кто не верит в другой путь, проклят Богом, а поэтому мы можем с чистой совестью унижать и осуждать их» [2, 4]. Признание кризиса либеральной модели демократии, по мнению ответственного редактора данного издания, вовсе не означает отрицание ценностей демократии как таковой, как образа жизни. Нет и не может быть единого стандарта демократии. Она – не застывшая форма, а продукт политической, правовой, культурной, экономической деятельности человеческого общества и развивается вместе с ним, в том числе и посредством кризисов.

Распространение свободы и демократии в зарубежных странах рассматривается в качестве главной цели американской внешней политики в законопроекте, который был внесен в Конгресс 3 марта 2005 г. сенаторами Дж. Маккейном и Дж. Либерманом [3]. Поддерживая курс американской администрации на экспорт демократии и оправдывая участие Великобритании в военных действиях в Иране, бывший премьер-министр Т. Блэр четко заявил, что в этой войне речь идет не просто о безопасности и военной тактике. «Это – битва ценностей, которую можно выиграть в результате победы терпимости и свободы. Афганистан и Иран являются необходимыми начальными пунктами этой битвы... Мы можем победить, доказав, что наши ценности сильнее, лучше, справедливее, чем альтернативные ценности... Если мы хотим защищать наш образ жизни, то нет альтернативы, кроме как бороться за него. Это означает, что отстаивать наши ценности не просто и в наших странах, и по всему миру» [4]. Реагируя на такого рода установки, некоторые исследователи отмечают, что американцы и их союзники возомнили себя новыми крестоносцами, призванными нести всему остальному миру свет единственно верного учения – рыночно-демократического фундаментализма. «В качестве главной цели ставится ни много ни мало как изменение самого менталитета, ментальной или парадигмальной основы жизнеустройства всего незападного мира (это, примерно, 4/5 всего человечества)» [5, 26]. Парадоксом представляется то, что Америка, существующая в мире примерно 300 лет, поучает, по каким принципам

должны жить народы, культуры, цивилизации, которые старше ее на несколько тысячелетий. В свое время Ф. Ницше, иронизируя относительно попыток каждой эпохи быть судьей всему, что было в прошлом, писал: «В сущности, ни одна эпоха и ни одно поколение не имеют права считать себя судьями всех прежних эпох и поколений... В качестве судей вы должны стоять выше того, кого вы судите, тогда как, в сущности, вы лишь явились позже на историческую арену. Гости, которые приходят последними на званый обед, должны, по справедливости, получить последние места; а вы хотите получить первые» [6, 197-198]. Сегодня важно понять, что специфичность, уникальность, своеобразие не обязательно и не всегда означают отсталость от так называемых передовых культур, а «момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук. Ибо оценка всегда основана на эгоцентризме» [7, 33].

Кризис демократии XXI века связан с переосмыслением самой основы демократии – выборно-властных процессов, которые осуществляются сегодня с использованием очень больших, постоянно растущих денежных масс, административных ресурсов, вмешательства групп давления и т.п. Избиратели самых демократических стран хорошо знают, какими огромными деньгами оплачивается сегодня их демократия, и оправданно задают себе вопрос, совместимо ли это с сутью демократии. Корни болезней современной демократии связаны не только и даже не столько с выборами и другими подобными процедурами, а с фундаментальным вопросом: действительно ли за демократическим фасадом власти индивиды из самых широких слоев народа могут отстаивать свои коренные права и свободы, свое человеческое достоинство в реальном процессе жизни? Ведь коррупция, бюрократизм плохи не только сами по себе, но и потому, что они блокируют реализацию и развертывание демократии в повседневной жизни, оборачиваясь квазидемократией.

Сегодня необходимо продумывать *новые формы и процедуры демократии, учитывая глобализационно-цивилизационные повороты современного человечества и одновременно классические принципы демократии, т.е. реального участия широких слоев народа в определении собственной жизни и судьбы, ибо ценности демократии, в том числе и в их либеральном варианте, столь глубоко укоренены в сознании и деятельности современного человека, что устранение и ухудшение их, какой бы вид не принимали подобные попытки, уже невозможно и с исторической точки зрения.*

Все чаще исследователи говорят о *диалоге либеральных и традиционных ценностей при обосновании нравственных поворотов в современной демократии.* Альтернативы демократии как своего рода «социальной гигиены» в мире не существует при всех трудностях, противоречиях, имитациях и прямых провалах в развитии демократии в ряде стран. В связи с этим необходимы системные исследования для выявления динамики демократии в современных условиях, *формирования и развития демократических структур гражданского общества, роли национальных государств и государственного регулирования в контексте глобализационных процессов.*

Без опоры на базовые ценности и традиции народа, невозможен успех любых демократических реформ. Ведь провал либеральных реформ в постсоветской России, как отмечают многие ученые, был предопределен изначально самим выбором модели «догоняющей вестернизации», изжившей себя исторически и неадекватной социокультурному и цивилизационному генотипу России. Неолибералы напрочь пренебрегли историческим опытом и своеобразием страны, которую взяли реформировать, и потому, столь желанный капитализм получился у них «диким», насквозь коррумпиро-

ванным и криминальным. Главным препятствием в деле общенациональной стратегии развития российские ученые считают недооценку, по сути, игнорирование ценностных, смысложизненных аспектов исторически сложившегося бытия и самосознания [8, 18-20].

Стратегическим приоритетом динамики современной демократии становится диалог и консенсус либеральных и традиционных ценностей. В условиях сосуществования цивилизации, открытости и нарастающей интеграции мира, ни одна модель общественного устройства не может претендовать на универсальность и навязывать себя в качестве эталонного образца. Несмотря на то, что в своих идеологических предпочтениях либеральная и традиционная системы ценностей существенно и заметно отличаются друг от друга, в сфере житейских ценностей – семья, безопасность, благополучие и т.д. – у них много сходного и общего. Если традиционализм принято упрекать в консервативности, этатизме и патернализме, то на том же основании либерализму следует вменить разрушительный антропоцентризм и подмену соперничества бездушной конкуренцией. Современный опыт модернизации таких стран, как Япония, Китай, Чехия показывает, что, встав на путь наращивания информационного ресурса и внедрения передовых технологий, они с *максимальной отдачей и пользой использовали свой исторический опыт и культурное наследие, не отказываясь от собственной идентичности*. Односторонняя же политика неолиберального глобализма, целенаправленно определяемая США и их геополитическими партнерами, странами так называемого «золотого миллиарда», в интересах транснациональных компаний, мало считается с национальными интересами других стран, увеличивает разрыв между богатыми и бедными, навязывает свои решения, обостряя межнациональные и межрегиональные конфликты. Такая политика и правила игры противоречат реалиям мировой экономики и политики. Не случайно в докладе ООН подчеркивается, что *«глобализация с человеческим лицом» требует управления миром с целью поддержания морали и прав человека, равенства, справедливости, безопасности, устойчивости природной среды, развития общества и противостояния маргинализации*.

Глобализация в ее нынешнем виде сузила возможности национальных сообществ влиять на мировую экономику, что не означает, однако, что эпоха национальных образований завершена, что все устремились к «миру без границ» и роль национального государства сошла на нет. Современные США, Франция, Германия, приняв вызовы глобализации, предельно ревниво и активно реагируют на малейшие ущемления своих национальных интересов. Влиятельные политические силы в любой стране, политические партии и движения не торопятся занимать космополитическую позицию по отношению к глобализации и ищут свои национальные ответы на ее вызовы. Чтобы сохранить демократию как систему народовластия, по мнению Ю.А. Красина, необходимо выйти за рамки либеральной представительной модели (предполагающей реализацию права принятия политических решений не лично гражданами, а через своих представителей, избранных ими и ответственных перед ними), равно как и более демократичной модели участия. Как форма политического правления, демократия должна базироваться на более широком основании – на ее понимании как «образа жизни граждан». Такой ракурс понимания демократии позволяет выявить проблему *национальной специфики форм политического развития любого общества*. Дело в том, что в разных культурах соотношение компонентов системы «индивид-социум» оценивается по-разному: в либеральной западной традиции акцент делается на свободе личности, тогда как в большинстве восточных стран приоритет отдается социуму.

Именно потому «попытки навязать либерально-западные критерии демократии страной с иной культурой, вызывают реакцию отторжения» [9, 131-133].

Становление и развитие демократических приоритетов способствует построению правового социального государства. Особенно важна активно-преобразовательная научная и политическая деятельность в контексте поиска механизмов преодоления социальных последствий мирового финансового кризиса, нравственной оценки глобализационных процессов и современной демократии, социокультурного и политического самоопределения нашей страны в новой исторической ситуации, обоснования современной парадигмы национального существования, опираясь на собственные традиции и ценности [10, 14]. *Стратегический вектор развития при этом должен соответствовать цивилизационно-культурной и национально-государственной идентичности Республики Беларусь, сохранять и укреплять ее статус в геополитическом и геостратегическом плане, международно-правовой и внутривнутриполитической сферах, опираться преимущественно на собственный капитал и стимулы трансформационных изменений. В решении такого рода многоплановых задач необходимы междисциплинарные взаимодействия различных социально-гуманитарных наук – истории, юриспруденции, социологии, экономики, политологии и др., а также диалог этих наук с реальной социально-политической практикой.*

Фундаментальными вопросами стратегии национального развития становятся вопросы: какое общество мы строим, какой тип государственного устройства, каковы ценностные ориентиры, идеологические приоритеты и цели общества, его общезначимые идеалы и демократические ценности. Сегодня особенно необходима обновленная парадигма общенационального развития, базирующаяся на духовно-нравственных ценностях собственной культуры, ориентированная на стабильность и единство общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленко, Б.И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание // Вопросы философии. – 2008. – № 5.
2. Западные СМИ о кризисе «эталонной демократии». – М., 2006.
3. <http://www.hudsoninstitute.org>
4. Blair, T. A Battle for global values // Foreign affairs, January/February, 2007
5. Гаджиев, К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. – 200. – № 5.
6. Ницше, Ф. Сочинения. – М., 1990. – Т.1.
7. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990.
8. О стратегии российского развития. М., 2003.
9. Красин, Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. – 2006. – № 4.
10. Яскевич, Я.С. Время кризиса – время надежды и диалога. – Мн., 2009.